

П

исатель и литературовед Василий Росляков так писал о Евгении Горбове в столичном журнале: «Перед нами своеобразный, тонкий художник, со своим видением мира и со своей темой... Значение книг Горбова, живые истоки которых — в тихих улочках городской окраины, не ограничивается масштабами этой окраины. Большой и нужный людям смысл, заложенный в них, ставит эти книги рядом с теми, что по праву занимают место на полках нашей “большой” литературы» (Вопросы литературы, 1958, № 9).

Евгений Константинович Горбов родился 9 марта 1906 года в местечке Теплик Гайсинского уезда Подольской губернии (ныне районный центр Винницкой области Украины). Отец Евгения, потомок елецких купцов, служил сидельцем в казенной винной лавке, умер в год рождения сына. После смерти мужа мать Евгения Горбова переехала в Елец, работала здесь в винной лавке, в годы первой мировой войны — в госпитале, после Октябрьской революции — в различных учреждениях Ельца. Умерла в 1929 году.

До 14 лет Евгений учился, а потом стал еще и работать рассыльным, сторожем в садах,

грузчиком, плотником, ремонтным рабочим на железной дороге. В школе его учителем был Михаил Пришвин, который читал ученикам свои произведения. Пришвину Евгений Горбов принес свои первые стихи... Возможно, в них было что-то от изобразительной силы другого елецкого гимназиста — Бунина. Вполне понятно, что Горбов живо интересовался творчеством Бунина. Вот строки юного Горбова:

Гляди на ветхий свой шалаш.
На круг золы и кашеварки,
Какой повсюду ералаш.
Как краски скудны и неярки!

Примят, разграчен, жалок сад.
Зияют рыжие тропинки,
На листьях сумрачно висят
Такие злые дождевинки.

Ползет червяк и тянет след,
И вензелит сырую почву...
А сколько, сколько листьев нет —
Они упали нынче ночью...

Впрочем, стихов своих Горбов, даже став профессиональным писателем, никогда не печатал. Его призванием на всю жизнь стала проза. Разнорабочим он был до весны 1926 года, когда пришел в елецкую уездную газету. Редакция по-своему открыла подростку большой мир, свела с множеством разных людей. В впечатлении той поры он написал первую повесть — «Черный князь». Горбов вспоминал потом: «В мае 1934 года «Черный князь» был закончен. Я перечитал его и нашел, что трудился не зря. Несомненно, это была лучшая из моих работ, и не грех было подумать о том, чтобы повесть увидела свет».

1934 год вообще стал для Горбова переломным. Вчерашний районный газетчик перебрался из Ельца в Воронеж и сразу опубликовал в журнале «Подъём» свое первое художественное произведение — повесть «Черный князь». Современный читатель найдет в ней не только зарисовки провинциальной жизни на излете НЭПа. Здесь и размышления о человеческой сути, о сокровенном смысле работы журналиста и о многом другом. Как потом заметит один из литературоведов, «высказательный мастер, он с первых шагов своих в литературе творчески усваивая опыт классиков, вырабатывал свой, горбовский, почерк, свое видение мира, которое со всей определенностью выявилось уже в первой повести: пристрастие к лирической (местами, когда необходимо, иронической) манере, к сложным характерам в движении, противоборстве устремлений, и сложно, и драматично выявляющим себя; к пейзажам средней полосы России, к поэтическому строю души человека. А душа его и мысль устремлены к тому нравственному идеалу, который способен творить на земле живое, настоящее»¹.

Удивительно, но спустя десятки лет не тускнеет образ уездного газетчика Заволжского (краеведы сразу поймут, что речь идет о журналисте, будущем известном воронежском писателе Николае Задонском, работавшем одно время в елецкой редакции). Не случайно литературный критик уже в 1960-е годы подметит: «Ему [Якову Кучеряеву] придется столкнуться с Валентином Заволжским, шустрым репортером дореволюционного закала, который может подписаться под чужой заметкой в надежде на лишний гонорар, которому важен не столько смысл написанного, сколько сенсационное стремление подать материал так, чтобы “трепало, шипело и било в нос”».

Итак, редактор газеты говорит новичку: «Для начала ты будешь работать в культурно-бытовом отделе. Это у нас школа для новичков. Дальше — посмотрим. В культбыте у нас сидит старый спец — Валентин Заволжский. Слыхал про тако-

го? Это матерый журналист, так сказать, зубр, вепрь, ветеран, могикиан и прочее такое... Он тебя быстро обучит»².

И вот, наконец, встреча: «С шумом распахнулась дверь. В комнату вошел, вернее сказать, влетел стройный, довольно пригожий с виду и еще молодой человек, с коричневым портфелем под мышкой. Ничего похожего на ветерана или могикиана — это была сама современность, воплощенная в образе человеческом, — стремительная, яркая и бьющая в глаза, как реклама. Клетчатое, похожее на дирижабль, кепи с длиннейшим козырьком, золотистый галстук, модные туфли и опущенные, выхоленные ногти. Глаза ясные, немного насмешливые, продолговатое лицо и карминовые, четкого рисунка губы.

Он вошел не просто, а с забавной ужимкой, притопывая и пританцовывая на ходу; в одной руке у него была папироса, а в другой, поднятой выше головы, сотрясался блокнот... Заволжский, как вошел и стал у порога, так и зачистил:

— Пескарики! Ровно сорок пескариков! [видимо, речь идет о коротких заметках для газеты. — А.К.] Хотите, продам? Только что из воды. Свежие, последние новости городской жизни, всевозможная хроника, происшествия. Качество — вне конкуренции!»³

Заволжский учил редакционных новичков:

«— Надо уметь брать материал. Для этого надо до мозга костей быть репортером. Настоящий репортер тот, кто даже во сне видит исключительно убийства, грабежи, пожары... Дети мои! Не засоряйте мозги! Голова журналиста должна быть свежа, как лилия, и чиста, как майская розинка. Она должна вибрировать при малейшем дуновении жизни, как вибрирует струна гитары, когда в комнате чихнет кошка. Пусть ветер жизни свободно бьет под черепную коробку, не беда, если он занесет туда кое-что лишнее. Все это рассосется. Это — жизнь. И еще совет: читайте. Читайте все, даже и бульварную литературу. Берите какую-нибудь сугубую декадентщину: Северянина, Сологуба, смакуйте Уайльда, всякий там ренессанс, мезальянс... Это — пицца богов, утонченное пиршество ума»⁴.

Однако вскоре сознательные газетчики разоблачили Заволжского, оценив его работу так: «щелкоперство, халтура, пошлость, штукарство»⁵. Примечательно, что особенность повести была даже не в ее фабуле. Новый автор сразу обратил внимание на себя особой лиричной интонацией — она была необыкновенно редка в 1930-е годы... Удивительно, но критики послевоенной поры увидели в повести Горбова созвучие с «Испытательным сроком» Павла Нилина, хотя повесть Нилина появилась в печати на два с лишним десятилетия позже. Вновь «Черный князь» пришел к читателю уже в середине 1960-х годов: вначале на страницах «Нашего современника» (1965), затем отдельной книгой в Приокском издательстве тиражом 30 тысяч экземпляров. Откликаясь в «Подъёме» на переиздания, А. Хайлов писал: «Как бы ни были внешне блестящи речи Заволжского, как бы виртуозно ни владел он словом, как бы ни знал специфику репортерской работы, выдвигенцу Кучеряеву ясно: с Валентином Заволжским ему не по пути. Но дело не только в этом моральном конфликте, умело схваченном писателем. Он разрешается в пользу Якова до известной степени «по-нилински», и в то же время повесть выдвигает свои специфические, «горбовские» вопросы, заставляя задуматься, поспорить... В душе скромного сотрудника газеты Якова Кучеряева живет прекрасный романтизм, которому сродни высокая поэзия Гейне (правда, односторонне им истолкованная), сродни всякая истинная поэзия, и было бы неудивительным увидеть в его руках книги стихов Багрицкого или романы Александра Грина, узнать, что они ему пришлись по душе». Более того, критик высказал мысль о том, что «повесть просто оказалась мала. Ее содержание требует для себя обширной площадки романа. Пока что мы находимся на промежуточной станции».

Но выйти на создание произведения романной формы Горбов в 1930-е годы,

Евгений Горбов

конечно же, не мог — почти все время поглощала каждодневная будничная работа. В столице Черноземья он трудился сначала заведующим сектором пути, а затем ответственным секретарем газеты ЮВЖД «Вперед», с 1935 года — в газете «За образцовую магистраль» Московско-Донбасской железной дороги заведующим отделом культуры. Да, было еще несколько попыток выступить на литературном поприще — в Воронеже издают его рассказы «Золотой век» (Подъём, 1935, № 7–8) и «Борода Аарона» (Литературный сборник. Воронеж, 1936, т. 1). Но главные книги были еще впереди.

В 1937 году Горбов вернулся из Воронежа в Елец, работал ответственным секретарем газеты «Сигнал» Елецкого отделения Московско-Донбасской железной дороги. В начале войны небольшие издания прекратили выпуск, Евгений Константинович в январе 1942 года перешел в «Орловскую правду», редакция которой была эвакуирована в Елец. Горбов вспоминал много лет спустя о страшной бомбежке в солнечный весенний полдень 1942 года: «Сотрудники выбежали из комнат и кинулись в типографский подвал. Мы стояли, прижимаясь к стене и пугливо прислушиваясь к тому, что делалось наверху. Там был сущий ад. Острый пронзительный свист и удар — тяжкий, сокрушительный, от которого звенело в ушах и с потолка сыпалась штукатурка. Типографское здание вздрагивало: прямой удар — и от нас осталось бы одно месиво... Часто меня застигали воздушные тревоги, и я переживал их, прижавшись к первым попавшимся воротам или заскочив в попутную щель, которых много тогда было в городе. Видел ночные пожары — злое торжество бушующего пламени, хаос дымящихся бревен, развороченного кирпича, битого стекла, людей, которые ожесточенно, с каменными лицами бросались на штурм пожарниц».

В «Орловской правде» Горбов в разные годы работал заведующим промышленным отделом, ответственным секретарем, литсотрудником секретариата. Часто выезжал в командировки, готовил обзоры районных газет. Вместе с редакцией вернулся в освобожденный Орел. «Была пора подъема, радужных настроений», — вспоминал позднее о том времени. В ноябре 1943 года в редакции по инициативе поэтессы Елены Благиной, специально приехавшей по направлению Союза писателей СССР, состоялось несколько собраний литературной группы. На собраниях обсуждались произведения местных литераторов (а среди них оказалось немало недавних фронтовиков, партизан, например Н. Прохоров, В. Росляков), лучшие рекомендовались для издания.

Областная газета тогда стала ядром формирования писательского сообщества послевоенной Орловщины. Горбов был принят в Союз писателей СССР в 1945-м (на учет стал в Воронежской областной организации СП СССР), а уже 28 декабря того года бюро Орловского обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос о создании в Орле бюро областной литературной группы. В постановлении говорилось: «Для собирания творческих сил и организации работы с молодыми писателями утвердить

бюро областной литературной группы в составе: Горбова Е.К., Батова И.Г., Ермак Б.А., Деркачева И.З., Рослякова В.П., Чернова А.З. Ответственным секретарем бюро областной литературной группы утвердить члена Союза советских писателей т. Горбова Е.К.».

Не случайно именно к Горбову обратился в октябре 1947 года воронежский писатель, секретарь редакции альманаха «Литературный Воронеж» Михаил Булавин. Хотя аналогичные письма были тогда же направлены писателям Живоглядому в Тамбов и Корнееву в Курск, обращает на себя внимание сердечное обращение автора письма к адресату: «Дорогой Женя! Привет, дружище!» Булавин, упоминая, что готовится специальный номер к 30-летию Октябрьской революции, предлагал: «Наша обновленная редакция [альманаха «Литературный Воронеж»] ждет от тебя новых и хороших произведений... нам совершенно необходимо установиться и держать с тобой крепкую связь». О себе Булавин сообщал так: «Работается тяжело. Живется еще тяжелей. Живу с семьей в 4 человека на площади 10 квадратных метров. Жилье мое холодное, тесно, а потому и грязное, холодное, дымное, сырое»⁶.

Писатели условились держать связь, информировать друг друга о новостях подробнее. Вполне возможно, что уже вскоре Горбов предложил бы в «Литературный Воронеж» отрывок из своего нового романа «На заре туманной юности» (примечательно, что в названии — строка из стихов Алексея Кольцова и перекичка с одноименной повестью Андрея Платонова). Но для начала он отдал несколько глав романа во второй выпуск ежегодного «Орловского альманаха». Результат оказался ошеломительным, едва не окончательным в творческой деятельности Горбова... Он вспоминал позднее: «Альманах был набран, сверстан, а затем [член редколлегии] Комов вздумал показать его кое-кому из наших сотрудников [редакции «Орловской правды»]. Среди них были секретарь партийной организации Кузьмин и заведующий партийным отделом [отделом пропаганды] Патенков. Эта пара вдруг усмотрела в моем отрывке всяческую крамолу и подняла невероятный шум... Не ограничиваясь шумихой в редакции, Кузьмин и Патенков обратились в обком партии. Секретарь обкома, которому отрывок сначала нравился, смутился, заколебался и... перешел на сторону моих противников. Тогда было принято решение: альманах пока не печатать, для выяснения дела послать в Москву, в правление Союза писателей СССР, сотрудника издательства»⁷.

Вскоре вышло постановление бюро комиссии по русской литературе республик, краев и областей Правления Союза писателей СССР «Об идейно-художественных ошибках в работе редколлегии “Орловского альманаха”»⁸. В духе недавнего постановления ЦК ВКП(б) по поводу творчества Зощенко и Ахматовой провозглашалось: «Подготовка к печати глав из романа «На заре туманной юности» в их настоящем виде является серьезной ошибкой и автора, и редакционной коллегии альманаха... Автор питает особое пристрастие к изображению людей с ущербной психологией... крупные идейно-художественные погрешности... Комиссия считает также, что редакционная коллегия “Орловского альманаха” еще недостаточно руководствуется в своей работе историческим постановлением ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам».

Комиссия потребовала изъять прозу Горбова из альманаха и провести широкое обсуждение постановления на литературном активе Орла. Писателю понадобилось немало сил, чтобы устоять и продолжать работу после идейной проработки. В 1949 году в соавторстве с А.Н. Яновским он написал пьесу «Первый салют», которую поставили на сцене Орловского драматического театра. В 1954 году публикует повесть «Феня», затем в издательстве «Орловская правда» выходит сборник «Повести и рассказы». Тогда же была закончена рукопись романа «Дом под тополями» (первое название — «На заре туманной юности»). Где ее опубликовать?

После скандальных обсуждений в Орле и Москве Горбов не рискнул обращаться в последние издательства. А если предложить роман в Воронеж? Тем более что он по-прежнему был на учете в Воронежской писательской организации, и здесь давно ждали от него добротную прозу.

Итак, роману «Дом под тополями» предстояло стать одной из первых ласточек возрожденного в 1957 году журнала «Подъём». Но у этой истории была и своя предыстория. Руководство Союза писателей СССР всегда очень ревностно следило за содержанием и формой региональных профессиональных изданий. Пример тому — не только вышеупомянутое разгромное постановление, посвященное «Орловскому альманаху». В апреле 1954 года секретариат СП СССР принял постановление, касающееся десяти краевых и областных отделений. В постановлении говорилось, что отделения «замкнулись в узкие местнические рамки, выпускают серые, беспомощные альманахи, не пользующиеся спросом читателей и потому убыточные, не имеют вокруг себя серьезного актива из молодых писателей, а с теми, которые есть, не ведут систематической работы». Секретариат тогда решил закрыть Ульяновское и Кировское отделения Союза писателей, а остальные (в том числе Смоленское) предупредил, что, если работа не будет улучшена, их постигнет та же участь.

Это постановление оказалось в центре внимания Воронежской межобластной конференции писателей, в которой в июне 1954 года приняли участие 70 делегатов из двенадцати областей, в том числе и Евгений Горбов. Естественно, что воронежцы со всей основательностью ставили вопрос и о повышении статуса своего альманаха, и о росте материальной и административной поддержки писательской организации. Заведующий отделом литературы и искусства газеты «Коммуна» Федор Волохов сообщал «по горячим следам» Горбову: «Смету отделения СП увеличивают. Представить произведения воронежцев для экранизации — звонил заместитель министра культуры СССР. Завтра Максим [Подобедов] и Костя Локоток [Локотков] будут в Москве для переговоров об издании межобластного альманаха, о его тираже, штатах и т.д.»⁹ Попутно звучал и призыв к самому Горбову: «какой ты могучий художник, какая в тебе сила великая сидит. И какого черта ты сидишь в Орле. Вылазь, выходи в большой свет»¹⁰.

Михаил Булавин писал Горбову 27 января 1956 года: «Видимо, в скором времени я буду командирован в Орел по вопросу о межобластном альманахе или журнале. Еще не знаю, чего? Липецкая область ответила на наше предложение согласием и готова взять 2000 экземпляров для распространения у себя. Если возьмет Белгородская, Тамбовская, Орловская, то мы сможем выпускать альманах без убытка. Не двухтысячным тиражом, а десяти тысячным и 4 раза в год. В этом случае мы легко можем перейти на журнал, хотя бы один в два месяца. В нем будем печатать воронежцев, орловчан, тамбовчан, липчан и белгородцев. Видишь, какое хорошее дело получилось бы. Да и журнал бы стал оперативнее. Скажем, написал ты рассказик или повестушку и уже через два месяца можешь получить гроши. А при настоящей системе, когда альманах выходит два раза в год, да твой опус попал не в первый, а во второй номер, ты тут-то волком взываешь, черт его побери.

Если Орловский Обком партии не будет возражать и решит взять часть тиража для распространения, то это будет даже очень хорошо.

Мы будем высылать проспект, план публикаций, будем планировать орловчан. Марочка на альманах для журнала будет приблизительно такая: «Межобластной литературно-художественный и общественно-политический журнал Воронежской, Орловской, Липецкой, Тамбовской и Белгородской областей». Назовем мы его, скажем, «Чернозем» или еще как-нибудь в этом роде. А раз он будет безубыточный, то и оформление его будет хорошим»¹¹.

Еще одно письмо от Булавина — 15 апреля 1956 года: «Здравствуй, дорогой

друзе Женья! В Орел, как оказывается, я уже не поеду, надобность в такой командировке миновала. В Москву ездил Виктор Иванович Петров и вот, дня три тому назад, докладывал о том, что наше предложение нашло в Москве хороший отклик. Союз Советских писателей СССР разговаривал с ЦК КПСС относительно ежемесячного журнала. Думают его издавать межобластным, как мы и предполагали. Он будет не для 12 областей, как это мы предполагали, а для 7. Помимо Воронежской, Липецкая, Тамбовская, Орловская, Белгородская, Балашов и, кажется, Курск. Наши товарищи едут в Москву с представителем Воронежского обкома партии на совещание. Туда же будут приглашены представители обкомов перечисленных областей. Предполагается объем 10 [печатных] листов. Значит, в год — 120 листов. А ведь альманах наш выходил два раза в год с общим листажом 30–35 листов. Разница, разумеется, большая. Но и сотрудников прибавится. Тираж, видимо, будет — 15 000.

Мне думается, что это большое дело. Мы стали инициаторами журнала, и в Москве сказали: “Попробуем на Воронеже, а потом, может быть, и в Ростове [-на-Дону], и на Волге возникнут межобластные журналы”¹².

Итак, увлеченный новым региональным проектом, Горбов предлагает редакции возрожденного «Подъёма» (в конце февраля 1957 года будущий редактор журнала Федор Волохов приезжал на несколько дней в Орел) рукопись романа «Дом под тополями» — все-таки прошло уже целое десятилетие после разгромной критики этой вещи, многое в стране изменилось. Редакция сразу отправляет роман в набор — и он публикуется уже в 4-м и 5-м номерах журнала за 1957 год. Это было неожиданно для автора — в Орле он еще не мог найти новый журнал ни в киосках, ни в библиотеках (даже просил М. Подобедова выслать авторские экземпляры¹³), а о «Доме под тополями» уже заговорили не только в Воронеже, но и в Москве, других городах — на его выход позитивно откликнулись газета «Литература и жизнь», «Литературная газета», журнал «Октябрь».

Роман «Дом под тополями» — на военную тему, здесь на фоне всех сложностей жизни запечатлены две судьбы, два характера — сильный и слабый, самоотверженный и себялюбивый. Критик Василий Росляков в журнале «Вопросы литературы» отмечал тогда, что творчество писателя становится проблемнее. Под пристальный взор обозревателя попал, прежде всего, образ одного из главных персонажей — Лидочки: «Сначала она “на всех перекрестках” обличает “мещанские условности” жизни¹⁴. Так что же в таком случае сама Лидочка? Что такое ее бунт, сменяющийся равнодушием по отношению к «скупным песням земли»? Это даже не заблуждение. Это игра. Лишенная твердых убеждений, Лидочка безответственно заигрывает и с жизнью, и с собственной судьбой. Темпераментную, порывистую, но лишенную прочных основ, Лидочку увлекает эта игра, и чем дальше, тем она становится опасней, угрожая стать «второй природой» ее натуры.

...Кому из нас порой не приходилось встречать среди нынешней молодежи по своему “очень хороших”, привлекательных юношей и девушек, но с неизменной усмешкой или просто с безразличным равнодушием относящихся ко всякому упоминанию об ответственности перед людьми, комсомолом, обществом. Все это вместе с трудовыми буднями наших дней для них лишь “скупные песни земли”. Но с каким упоением подобные молодые люди предаются всяческим обличениям “условностей” и “предрасудков” и разглагольствуют о том, “как хорошо быть самим собой” в лидочкином смысле. В мелочах повседневной жизни все это выглядит часто достаточно невинно, чтобы вызывать у старших тревогу. Но вот писатель логически продолжил эту “невинность”, спроецировал ее на тот роковой час, когда речь начинает идти о жизни и смерти, и кажущаяся невинность уже заглядывает в черную бездну предательства. Сделав это, писатель Горбов сказал новое и нужное слово в нашей литературе»¹⁵.

Отметил критик и положительные герои: «Леонид Федорович с его беззаветной преданностью Родине, солдат Антон Сосев, не теряющий веры в победу в самые тягостные дни отступления нашей армии, фронтовой журналист Миша Файнштейн, порвавшая с мещанской психологией Олимпиада создают в романе атмосферу глубокой человечности и торжества новой, социалистической морали. Роман дает ощущение того, что дорогу германскому фашизму в дни войны преграждали не только и даже не столько оборонные сооружения и военная техника, а неприступные крепости социализма, заложенные в душе каждого советского человека. Испытания войны ускорили процесс формирования характеров, и в романе идет постоянное обогащение, совершенствование героев во взаимном влиянии друг на друга. Так, Семен получает огромный заряд мужества и веры в победу в общении с простым солдатом Антоном Сосевым, открывшим Семену великую красоту сердца трудового народа. Сам Полуэктов становится причиной, вызвавшей крутой перелом в сознании и всей жизни Олимпиады. Дружба Ксюши и Миши Файнштейна облагораживает обоих, дает силу и рост лучшим свойствам их духовного облика»¹⁶.

Высказал Росляков и критические замечания: «Писателю не удалось до конца преодолеть трудности, связанные с тем, чтобы подчинить различные сюжетные линии, судьбы героев общему внутреннему движению всей вещи в целом. Порой это движение замедляется, как бы замораживается, и в этих местах повествование становится вялым, описательным. Развитие повести может основываться не только на эпическом развертывании событий, — оно может ограничиться и движением чувства, души лирического героя. Для романа одного этого, как правило, недостаточно. И вялость, и описательность, встречающиеся в романе Горбова, объясняются как раз недостаточной плотностью действия, событий»¹⁷.

Откликнулся на заметную публикацию в «Подъёме» будущий известный прозаик и литературовед, а тогда аспирант Института мировой литературы имени А.М. Горького Олег Михайлов: «Иные страницы в этом романе по-настоящему радуют. Чувствуется пылливость автора, свежесть его восприятия, умение немногословно и впечатляюще передать портрет человека, его походку, жесты. Особенно относится это к первой части... Контраст характеров — характеров, взятых из жизни и подмеченных, на мой взгляд, очень верно, — мог вылиться в свободное повествование эпического толка, где поступки и переживания центральных персонажей вплетены в исторические события недавнего прошлого. Однако четкий рисунок романа к концу первой части сбивается на пунктир. И тут теряется ясность авторской позиции. Эпизоды теснятся и наплывают друг на друга... Быть может, Е. Горбов намеревался показать всю неосновательность, поверхностность Лидочкиного бунта в пору ее отроческого романа с Семеном? Полуэктова тяготы войны закалили. Лидочка же не выдержала испытаний, и ее романтическое неприятие «обывательской» жизни обернулось заурядным браком по расчету. Но не торопитесь с выводами. В финале романа Лидочка встречает Егора, возвращающегося из госпиталя, и просит передать Семену и дяде: “Скажи им... что еще не кончилась Лидочка. Еще есть у нее порох в пороховнице и хватит моральных сил, чтобы начать новую, другую жизнь”. Вряд ли стоило завершать роман этим психологическим парадоксом. Интересный замысел оказался недоовоплощенным»¹⁸.

Критика литературоведов, тем не менее, не затмила читательского интереса к роману Горбова — причем интереса не только советских читателей, но и зарубежных. Ответственный секретарь журнала «Подъём» Валентин Ющенко писал Горбову 25 сентября 1958 года:

«Уважаемый Евгений Константинович!

Спешу сообщить Вам радостную вест: Пражское книгоиздательство “Чехословацкий писатель” запросило у нас четвертый и пятый номера “Подъёма”

за прошлый год, в которых печатался Ваш роман “Дом под тополями”. Издательство намерено перевести роман на чешский язык.

Просьбу наших зарубежных друзей выполним непременно. Завтра же пошлем “Подъём” в Прагу. Получили ли Вы наше письмо с предложением выступить на страницах журнала в 1958 году?

Надеемся, что Вы сообщите о своей заявке»¹⁹.

29 октября 1958 года Юценко снова обратился к Горбову:

«Уважаемый Евгений Константинович!

Вновь получил весточку из Праги. Цитирую письмо доктора Войтеха Стрнда из Чехословацкого театрального и литературного агентства от 15 октября. «Уважаемые товарищи, сердечно благодарим за прислание журнала “Подъём” № 4 и 5, в которых опубликован роман Е.К. Горбова “Дом под тополями”, интересующий наше издательство “Чехословацкий писатель”.

Мы отправили журнал издательству и сообщили также Ваше указание, чтобы оно установило связь с автором Е.К. Горбовым, который, может быть, хочет внести в книгу некоторые изменения.

Еще раз спасибо за Вашу помощь».

Как видите, дорогой Евгений Константинович, Ваш роман уже в Праге теперь, вероятно всего, надо будет ждать письма из “Чехословацкого писателя” в ваш адрес. Желаю Вам успеха.

Совсем недавно мы получили письмо от варшавского государственного издательства “Искры”. Польские товарищи также запрашивают для перевода повесть нашего автора Всеволода Климова “Фольварк Стары Двур”. Как видите, “Подъёмом” интересуются зарубежные друзья.

Приятно для наших авторов.

С глубоким уважением»²⁰.

По неизвестным нам причинам, несмотря на все эти хлопоты, роман Горбова в Праге тогда так и не был издан. Тем не менее, судьба у него сложилась завидная: в 1959 году вышел отдельной книгой в Орловском книжном издательстве (тираж 15 тысяч экземпляров), затем в издательстве «Молодая гвардия» в 1960 году тиражом 150 тысяч экземпляров (2-е издание — в 1965 году, тираж 50 тысяч экземпляров). А в 1966 году в переводе был переиздан в Румынии. Так «Подъём» дал путевку в жизнь незаурядной книге, нашедшей массового читателя даже в Европе.

И в последующие годы «Подъём» весьма доброжелательно отзывался о Горбове (в 1961 году — рецензия А. Хайлова на повесть «Феня», в 1966-м — его же рецензия на повесть «Черный князь», в 1977-м — обзор творчества Горбова, подготовленный орловским литературоведом А. Логвиновым). Звучали и традиционные предложения о продолжении сотрудничества с журналом. Так, в декабре 1970 года редактор отдела прозы «Подъёма» Ю.Д. Гончаров обратился к орловскому писателю:

«Многоуважаемый Евгений Константинович!

Журнал “Подъём”, издающийся в Воронеже, хотел бы видеть Вас в числе своих авторов. Не могли бы Вы поделиться с журналом новым своим романом, повестью. Журнал наш невелик по листажу, предельный размер повести, которая могла бы уместиться на страницах, — 7–8 печатных листов. Если сейчас нет ничего готового, сообщите, когда можно ждать, — будем иметь Вас в виду при составлении редакционных планов»²¹.

Увы, новых публикаций Евгения Горбова на страницах «Подъёма» уже не появилось. Писатель умер 13 мая 1973 года. «Последний орловский классик» — такими словами часто вспоминают талантливого прозаика знавшие его коллеги и читатели.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Логвинов А. «За красоту времён идущих, за красоту времён грядущих...» (обзор творчества Евгения Горбова) // Подъём. 1977. № 3. С.142.
- ² Горбов Е. Черный князь. Тула: Приокское кн. изд-во, 1967. С. 4–5.
- ³ Там же. С. 8–9.
- ⁴ Там же. С. 9, 43–44.
- ⁵ Там же. С. 71.
- ⁶ Орловский объединённый государственный литературный музей И.С. Тургенева (далее — ОГЛМТ). Ф. 32. ОФ-6597. Л. 2.
- ⁷ Там же. ОФ-6333. С. 171.
- ⁸ Там же. ОФ-7207.
- ⁹ Там же. ОФ-6608.Л. 2.
- ¹⁰ Там же. ОФ-6608.Л. 2 об.
- ¹¹ Там же. ОФ-6597. Л. 5, 5 об.
- ¹² Там же. ОФ-6597. Л. 4.
- ¹³ Там же. ОФ-6735.
- ¹⁴ Росляков В. Проза Евгения Горбова // Вопросы литературы. 1958. № 9. С. 158.
- ¹⁵ Там же. С. 159–160.
- ¹⁶ Там же. С. 161.
- ¹⁷ Там же. С. 162.
- ¹⁸ Михайлов О. Выходит в Воронеже // Вопросы литературы. 1958. № 9. С. 247.
- ¹⁹ ОГЛМТ. Ф. 32. ОФ-6873. Л. 1.
- ²⁰ Там же. Л. 2.
- ²¹ ОГЛМТ. Ф. 32. ОФ-6615.

